

Е. О. Федутик (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА

(на примере романа М. Хиндуса «Красный хлеб»)

Стремление к перемене мест является одной из основных характерных особенностей человека. В связи с усилением национально-культурных движений и повышенным вниманием к мультикультурному опыту, современная читательская аудитория приобрела особый интерес к интернациональной прозе и, как следствие, в последние десятилетия гуманитаристические произведения эмигрантов вышли на новый уровень. Поэтому международной миграции с ее сложным взаимодействием социальных, экономических и политических факторов и их последствиями уделяется теперь первоочередное внимание как в национальной, так и в международной повестке дня.

Историки выделяют пять основных волн массового выезда из России и стран Восточной Европы в XX столетии: 1) начало XX в. – 1917 г. (дореволюционная); 2) февраль 1917 г. – 1920-е гг. (послереволюционная); 3) конец 1930-х гг. – 1940-е гг. (связанная со Второй Мировой войной); 4) 1970-е гг. – середина 1980-х гг. (связанная с выездом евреев и диссидентов); 5) конец 1980-х гг. (периода перестройки и постперестройки). Данные миграционные волны явились причиной оттока практически трети населения России, включая страны бывшего Советского Союза и Восточной Европы.

Говоря о конце XIX – начале XX столетия, перемещения этого периода связаны преимущественно с воздействием тоталитарных режимов. С приходом советской власти стала наблюдаться тенденция отъезда за рубеж наиболее образованной группы граждан. Эмиграция из новой России по приблизительным подсчётам составляла от 1.5 до 3 млн человек. Главной причиной бегства из страны стали массовые репрессии, голод и угроза жизни в связи со сложившейся политической ситуацией.

В новых условиях интеллигенция потеряла статус, средства и гражданство. Безусловное неприятие советского режима, а зачастую и революции, надежда на обретение прежней родины были присущи каждому беженцу. Миграция оказала огромное влияние на их намерения и устремления, и, вопреки всем политическим разногласиям, в русской интеллигенции пробуждалась творческая активность и чувство единения с другими «изгнанниками родины» [1, с. 125].

Согласно статистическим данным, переселенцы первой волны эмигрировали преимущественно в страны Европы, далее – в Великобританию или США. Данные страны не просто подходили для жизни, но и предоставляли возможность писать тем авторам, которые на родине подвергались гонениям и политическим репрессиям.

Что касается политики царизма в отношении эмиграции из этнических белорусских земель, то она исходила из официальной доктрины непризнания белорусов как отдельного народа и имела двойственный характер. С одной стороны, она содействовала переселению в Сибирь и на другие окраины империи «русского элемента» (к которому относились и православные белорусы) с целью их колонизации и «обрусения». С другой стороны, выезд за границу рассматривался властями как фактор ослабления «коренного русского населения» и на государственном уровне эмиграция за пределы империи сдерживалась [2, с. 90].

С точки зрения литературы и искусства, на данном этапе возникает вопрос национального самоопределения и положения белорусской диаспоры за рубежом в начале XX столетия. По мнению М. Костюка, например, представители Беларуси в условиях серьезных общественно-политических изменений и вынужденные устраивать свою жизнь на далеких землях с самого начала занимали довольно активные жизненные позиции [3, с. 96], пусть доказательства тому и не были своевременно зафиксированы должным образом.

Проблема идентичности и самоидентификации отдельных индивидов и социальных групп в последние годы все больше привлекает внимание представителей различных отраслей науки: и социологов, и психологов, и культурологов, и философов, и этнологов. В круге наиболее актуальных вопросов – такие как вопрос о способах конструирования личной и коллективной идентичности в сообществах закрытого и открытого типа, о выработке собственных стратегий отдельных членов сообществ и т. д. Безусловно, особую остроту проблема самоидентификации обретает в ситуации рассеяния.

Как подчеркивает М. К. Лопачева, многие переселенцы – в особенности писатели – воспринимали саму эмиграцию как тупик, катастрофу, одной из проявлений которой будет кризис идентичности [4, с. 12]. И небезосновательно: несмотря на довольно значительную диаспору, белорусы не смогли заявить о себе за границей как об отдельном этносе. Незавершенность формирования белорусской нации и, как следствие, низкий уровень национального сознания эмигрантов предопределили ускоренную ассимиляцию внутренней и внешней миграции. Иммиграционные службы стран поселения регистрировали белорусов как граждан Российской империи по вероисповеданию: православных относили к русским, католиков – к полякам. Белорусские эмигранты не смогли создать в этот период (конец XIX в. – 1920-е гг.) своих организаций за границей и присоединялись к русским и польским, а также украинским и литовским диаспорам, что вело к подчинению чужим идейным и национальным концепциям и интересам [5, с. 5]. Сохранение белорусской культуры за пределами родины осуществлялось достаточно обособленно, в узком кругу отдельно взятой семьи на бытовом уровне, и до определенного времени не имело широких социальных границ и яркого проявления. Только в 1923 г. в Чикаго была создана одна из первых влиятельных организаций – Белорусско-Американская национальная ассоциация, а после 1939-го г. возникли крупные (более 350 тыс. человек) институциональные структуры в Латинской Америке. Тогда же наблюдается активная книгоиздательская деятельность (А. Сакович, Д. Витьбич, Я. Запрудник, М. Рагуля, В. Клишевич, М. Кавыль, Я. Юхновец, Я. Золак, Г. Крушин), сохранение музыкального (Н. Стречень, П. Конюх, Э. Зубкович) и художественного (О. Махнюк, Г. Русак, И. Роголевич-Дутко, Т. Стоганович-Кольба) наследия.

А. Тихомиров отмечал, что второе поколение белорусов-эмигрантов обычно утрачивало связь с этнической родиной, а Л. Лыч подчеркивал, что белорусское население «в своем абсолютном большинстве [...] мало интересуется собственным историческим прошлым, как следует не гордится своим культурно-языковым наследием» [6, с. 13]. Однако в семьях и местах компактного проживания белорусов сохранялась этнонациональная специфика [5, с. 10].

Как видим, искусство – прежде всего, литературное – одним из первых реагирует на любого рода трансформации, вызванные научно-техническим прогрессом, развитием науки, историческими войнами и революциями и, конечно же, эмиграционными процессами.

Если рассматривать литературу как мировое явление, то исследователи утверждают, что политические и социальные процессы иммиграции формируют всю литературную систему, а также взаимоотношения между всеми произведениями в словесной культуре, а не только часть той системы, которая включает в себя книги, созданные писателями-иммигрантами [7, с. 533]. Термин *эмигрантская проза* подразумевает все произведения, созданные вследствие миграции, или произведения, так или иначе относящиеся к данному процессу.

Интересен тот факт, что эмигрантская проза начала оформляться как отдельный пласт сравнительно недавно, ввиду участвовавших международных контактов и межкультурного обмена, следовательно, именно сейчас мы можем наблюдать ее развитие и зарождение в ней новых тенденций. Происходит взаимовлияние и перекрещивание культур вне зависимости от того, существует потребность в таком культурном «импорте» [8, с. 151] или нет.

В. Жирмунский, говоря о специальных областях литературы, также подчеркивает, что ни одна великая национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов [9, с. 105].

Главной особенностью эмигрантской прозы является сочетание двух, а порой и больше, культур, которые представлены сквозь призму знаний автора. Авторы принадлежат нескольким нациям, регионам или сословиям и участвуют в литературной системе, отличающейся от системы, в которой они родились, получили образование или впервые опубликовались. Условия уносят человека за пределы своего континента и полушария, он мысленно вовлечен в жизнь людей сквозь культуры и географию и отражает в своих работах гибридные видения социума и событий. В таком ограниченном смысле, согласно Р. Вальковитц, наиболее преуспевшие писатели – это писатели-эмигранты [7, с. 533]. Такие литературные работы могут помочь нам представить новые истории, всего одна из которых включает в себя городское, региональное и бытовое развитие сюжета, и цель состоит не только в производстве книги как таковой, но также ее перевод, распространение, сравнительный анализ. Поэтому филологи называют такую литературу «наднациональной», «литературой вне какой-либо нации» [Там же, с. 543], ведь она путешествует и создает свой собственный дом здесь и сейчас.

Среди переселенцев рубежа XX–XIX столетий был М. Гершон Хиндус (1891–1969) – выходец из Беларуси (в то время – часть Российской империи). Будущий писатель родился в деревне Большое Быково под Слуцком в состоятельной еврейской семье. Свое детство он вспоминал с теплотой («A Traveler In Two Worlds», 1971), а родную деревню описывал как место, «где время остановилось» [10]. С ранних лет М. Хиндус проявлял интерес к учению, но уже в русской школе столкнулся с взыскательно-снисходительным отношением к евреям-крестьянам. Тем не менее, уже тогда будущий писатель старался игнорировать подобное явление, называя его неизбежным, как неизбежна «ожесточенность зимы» и «суровость крестьянского мужика» [11, с. 32]. Вскоре после смерти отца, а также под гнетом антисемитизма в 1905 г. семья М. Хиндуса вынуждена была переехать в США.

Тяготы переезда через Атлантику, скученность и грязь гетто манхэттенского Ист-Сайда, изобилие еды после России, трудности адаптации вызвали в нем тоску по родным лесам и просторам, от которой он излечился, поступив в семнадцать лет рабочим на ферму в штате Нью-Йорк [12, с. 45].

Именно в этот период он осознает, как необходима связь человека с землей и как важен простой физический труд. Впоследствии практически во всех работах автора мы находим идею единения человека с природой.

В университете Колгейта сферы деятельности и интересов М. Хиндуса затрагивают русскую литературу и историю русского/белорусского крестьянства. Получив степень доктора в Гарварде, М. Хиндус продолжил активно изучать русскую культуру, посещал родину и много писал. «Хиндус смотрел на Россию через призму своих научных интересов» [12, с. 46], а родиной все же называл Беларусь.

Впоследствии М. Хиндус часто бывал в России и путешествовал по Украине и Сибири в качестве фрилансера для разных американских изданий. Знание языка помогало ему избегать излишне пристального внешнего контроля, который обычно сопровождал иностранцев [Там же]. Россия представляла для писателя источник информации для его работ: революцию 1917 г. он понимал как следствие нерешенности аграрной проблемы в царской России, приветствовал коллективизацию как меру по переходу России к промышленному сельскому хозяйству и в целом восхищался энергией и размахом планов первой пятилетки. С другой стороны, он упрекал руководство Советского Союза в волюнтаризме, незнании Запада и ошибочности представлений, на основе которых формировалась советская политика, высказывал сочувствие раскулаченным и лишенцам, и даже описывал голод в Поволжье и на Украине [Там же].

М. Хиндус – своего рода посредник, носитель двух культур – имел возможность рассказать американскому народу о совершенно ином континенте и, преимущественно, о том, как политика государства отражалась на жизни простого народа. Здесь важно отметить, что огромное методическое значение имеет сравнение творчества писателя с литературной традицией, национальной и международной, с влиявшими на него предшественниками и современниками в целях установления исторически обусловленного сходства и различия между ними. Именно с помощью подобных сопоставлений познается творческая самостоятельность писателя и его место в общем развитии литературы, национальной и мировой. В этом отношении М. Хиндус является практически первопроходцем ввиду только активизирующегося интереса к советской культуре и ее актуализации на западе. М. Алексеев, например, подчеркивает, что многим старым работам литературоведческого характера, затрагивавшим подобные вопросы, не хватало исторической перспективы, метода, достаточного фактического содержания [9, с. 121]. Неосведомленность делала подобный анализ поверхностным и недостаточно компетентным. Преимуществом М. Хиндуса является то, что, в отличие от большинства журналистов, которые полагались исключительно на идеологические заявления и марксистскую классику, писатель предпочитал находиться в стране, наблюдать, слушать, вести диалог. Все это позволяло ему беспристрастно взглянуть на исторические события.

Тем не менее, работы писателя явились окном в советский мир для англоязычного читателя. Произведения М. Хиндуса отличаются жанровой эклектичностью, поскольку включают в себя не просто очерки из жизни русского народа, но и историко-статистические данные в форме кратких отчетов и репортажей, дневниковые записи, отрывки писем, элементы художественного повествования.

Получая степень в Гарварде, М. Хиндус пишет *The Russian Peasant and the Revolution* (1920) – работа-очерк об устройстве жизни русского крестьянина, которая помогает лучше понять быт народа, идеологию государства, устройство социума тех лет. После выхода *Broken Earth* (1926), М. Хиндуса признают знатоком России и приглашают читать лекции в университетах. *Mother Russia* (1942) – результат пребывания М. Хиндуса на родине более трех лет во время Второй Мировой войны – содержит детальное описание военных условий, с которыми столкнулись его земляки. Период холодной войны отражен в *Crisis in the Kremlin* (1953), где М. Хиндус критикует Советское правительство, а также сочувственно отзывается о сельских жителях. После вынужденного перерыва вследствие невозможности попасть в Россию, М. Хиндус все-таки совершил две поездки на родину и выпустил новое произведение *House Without a Roof: Russia after Forty-three Years of Revolution* (1961), которое было удостоено нескольких наград.

Самым востребованным произведением принято считать «Красный хлеб» (*Red Bread, 1931*) – свидетельство о том, как проходила коллективизация в 1929–1930 гг. в родных местах М. Хиндуса. Это книга более амбициозная, чем все предыдущие работы, предлагающая всесторонний очерк состояния дел в России 1929–1933 годов. Автор старается передать англоязычному читателю живое ощущение пребывания в стране большевиков. В жанровом отношении книга представляет собой смесь репортажа (отчет о поездке в Полтавскую область, где автор и его американский спутник общаются с крестьянами, пережившими голод) и путевой прозы (описание поездки по Транссибу), статистики (приводятся таблицы залежей полезных ископаемых в СССР, роста промышленного производства, карты новостроек пятилетки) и социологии (очерки о советской семье и браке, о положении верующих и т.д.). «Красный хлеб» – это пример многогранного сочетания не только жанров, но и культур. Документальный роман демонстрирует русские/белорусские и американские реалии, хотя признаки последних наблюдаются при лингвистическом изучении самого произведения. Рассмотрим данные «переходы» и полярность более подробно.

Здесь, вероятно, лингвистический аспект является одним из самых ярких показателей того, как эмиграция влияет не только на самоопределение, но и на слияние двух (или более) культур.

Наблюдается активное инкорпорирование национально-специфических реалий (и безэквивалентной лексики соответственно) в язык произведений автора. Как пишет А. В. Федоров, национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой культуры и могут быть установлены различные

их группы по признаку принадлежности к той или иной сфере материального быта, духовной жизни человека, к миру природы и т.д. [4, с. 170]. Более всего «Красный хлеб» изобилует реалиями общественно-политической деятельности, например: *koolacks, seredniaks, bedniaks, tovarishch, izvoshtchik, vreditel, bourzhui, pomeshchiks*. Отдельного внимания заслуживают такие понятия как *muzhiks, babas, samouchka, shishka, nochlezhniki, nachalstvo, svoeyevolniks*. Разговорные клише переданы М. Хиндусом с помощью приема транслитерации, который широко распространен в русской переводной литературе и в оригинальных произведениях: *ciechas, ceichas; poshaluista; bezobrazie, bezobrazie!; pali!; bozhe moy; hospodi pomilui; nu; ekh*. Напомним, что транслитерация необходима для соблюдения лексической краткости обозначения, но важно учитывать, насколько важна передача этой специфичности, чтобы не допустить перегруженности художественного текста иностранными заимствованиями и засорению языка-оригинала.

Мнения переводчиков в вопросе передачи безэквивалентной лексики зачастую расходятся: одни предпочитают переводить, другие – транскрибировать, т.е. объяснять реалию или игнорировать ее. М. Хиндус в своем произведении часто использует перифрастический прием. Автор вводит в рассказ устаревшее слово *holish* (голыш), которое употребляется в переносном смысле и означает нищего человека. В белорусско-/русскоязычной среде лексема имеет скорее негативную окраску и чаще используется людьми старшего поколения как разговорное клише. В английском языке не существует равнозначного эквивалента для передачи такого «подтекста» слова, поэтому автор сохраняет его форму, но при этом использует контекст как дефиницию, чтобы иностранный читатель мог догадаться о значении лексемы: «*In the old days if you called a man holish even if he was that he would smart with rage and want to spit into your face. It was such an insult to be called holish. Nowadays call a man hoolish, and even if he is well-to-do, he will be so flattered that he'll remove his hat, bow and thank you for the compliment. It is such an honor to be a holish*» [10, с. 146].

Следует обратить внимание на выбор М. Хиндусом синтаксических конструкций. В настоящее время мы наблюдаем активное развитие английского языка, который открыт новым веяниям иных культур. Имеются в виду не только неологизмы или эллиптичность, но и внедрение в его письменную структуру нового синтаксиса. Одним из ярчайших примеров являются уточняющие конструкции, которые в русском языке являются нормой (вспомним Толстова, Пушкина, Лермонтова), но в английском чаще не используются или становятся самостоятельными предложениями: «*Meanwhile several soldiers had arrived with musical instruments – they were to give a concert in the new club-house – my house – that very evening*» [10, с. 153]; «*Copeck upon copeck he put away, rouble upon rouble – all his neighbors will bear me out – and when he went to town he would not even permit himself the treat of a herring or an abaranok – there is thrift for you*» [10, с. 172].

Определенной спецификой является и выбор слов. Так, например, М. Хиндус, описывая совершенно обыденные бытовые реалии, наряду с достаточно примитивной и понятной лексикой, использует возвышенные витиеватые литературные слова, которые возникают резко, неожиданно, и порой вводят в заблуждение даже особенно искушенного читателя: «*Frightened and overcome with perplexity, the woman did not know what to do*» [10, с. 121]; «*The mother, poor thing, has gone mad with grief, and even now whenever she passes the cemetery she stops at her daughter's grave, prostrates herself on it, and cries for her to come to life*» [10, с. 148].

Еще одной особенностью перевода может стать адекватная передача стилистики автора. В жанровом отношении «Красный хлеб» представляет собой смесь репортажа и путевой прозы, статистики и социологии; однако данный эффект во многом достигается употреблением большого количества социально-исторических терминов, обозначений достижений науки и бытовых реалий, ведь книга ориентирована на западного читателя, не знакомого с особенностями жизни крестьян во времена перестройки. При переводе с языка оригинала на родной язык необходимость пояснять слова, отображающие национальный быт и колорит, отпадает, следовательно, теряется некая интрига самого произведения, его новизна, экзотичность. Для русскоязычного читателя, знакомого с белорусской культурой, произведение превращается, скорее, в мемуары и не несет исторической ценности. Перифразический прием сосредотачивает внимание читателя на том или ином термине, что в переводе может звучать несколько затянато и не всегда актуально для русскоязычного адресата. Именно поэтому мы говорим о возможной частичной «потере» стиля.

Адекватная и понятная иностранному читателю передача культурных реалий является достаточно трудной задачей; переводческая деятельность усложняется, если мы говорим об эмигрантской литературе, написанной на неродном языке автора. Произведения переселенцев затрагивают вопросы самоопределения личности, поиск самого себя в новых условиях жизни, еще неизведанном социуме и культуре. И, хотя ныне эмиграция воспринимается как возможность познания личности, расширение языкового опыта, приобретение бесценных межкультурных контактов, развитие профессиональной деятельности, важно учитывать целый ряд факторов, поскольку такой вид прозы требует применения особых переводческих стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядрышникова, В. М. Эмиграция русской интеллигенции после революции 1917 года / В. М. Ядрышникова, В. С. Кравец // Электронный сборник статей по материалам X студенческой международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2016. – №7 (10). – С. 124–129.

2. *Снапковский, В. Е.* Белорусская эмиграция / В. Е. Снапковский. // Белоруссия и Россия: общества и государства. – М.: Права человека, 1998. – С. 88–105.

3. *Касцюк, М. П.* Беларуская эміграцыя у Злучаныя Штаты Амерыкі / М. П. Касцюк // Беларуска-Амерыканскі культурны дыялог: стратэгія развіцця. – Мінск: Тэсей, 2012. – С. 95–97.

4. *Лопачева, М. К.* Писатели-эмигранты первой волны о кризисе идентичности / М. К. Лопачева // Вестник СПбГИК, 2016. – №1. – С. 10–15.

5. *Ціхаміраў, А. В.* Беларуская эміграцыя: 90-я гады XIX ст. – 1917 г.: аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук / А. В. Ціхаміраў. – Мінск., 1994 – 26 с.

6. *Лыч, Л. М.* XX стагодзе і лёс беларускага народа / Л. М. Лыч // Кантакты і дыялогі. – 2001. – № 6 (65) – С. 3–14.

7. *Walkowitz, R.* The Location of Literature: The Transnational Book and the Migrant Writer / R. Walkowitz // Immigrant Fictions. Contemporary Literature in an Age of Globalization. – The University of Wisconsin Press, 2006. – Vol.47, №4. – 722 p.

8. *Жирмунский, В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1979. – 493 с.

9. *Алексеев, М. П.* Русская литература на западе / Г. И. Данилина // Сравнительно литературоведение. Хрестоматия. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. – 629 с.

10. *Hindus, M.* Red Bread. Collectivization in a Russian Village / M. Hindus. – Indiana University Press, 1988. – 372 p.

11. *Hindus, M.* A Traveler in Two Worlds / M. Hindus. – Doubleday & Company, Inc.: New York, 1971. – 356 p.

12. *Кабанова, И. В.* Место Мориса Хиндуса в американских репортажах из Советской России 1920-1930-х гг. / И. В. Кабанова // Литература двух Америк. – М., 2017. – №3. – С. 44–54.